

УДК 316.73

И.А. БАРСУК

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Автор попытался обосновать тезис о том, что период развитого средневековья на восточнославянском территориальном пространстве является парадигмально определяющим для становления и экспликации его культурно-цивилизационной идентичности. Автор показывает, что содержательную основу для формирования эпистемологических, аксиологических, эстетических и других приоритетов составили культурно-цивилизационные стратегии "Восток – Запад" в их взаимовлияниях и взаимообусловленности. Автор попытался отметить, что восточноевропейский культурно-исторический тип, ассимилируя эти влияния, оказывается способным к продуцированию своеобразных, достаточно самобытных социокультурных программ и практик, на основе которых создавались уникальные национальные духовные ценности и формировался особый тип ментальности. Вместе с тем автор подчеркивает, что на различных этапах периода развитого средневековья межкультурная коммуникация данного региона, с точки зрения её интенсивности, направленности, уровня и характера интеграционных процессов, была различной, что и обусловило различие в степени гомогенности и гетерогенности процессов социокультурной динамики традиций. Исследование стратегии цивилизационной динамики восточно-славянского региона автор попытался продемонстрировать на эмпирическом материале из истории и культуры восточнославянских народов. Экспликация и анализ содержательного своеобразия и конкретных механизмов взаимодействия и взаимовлияния культурных традиций Запада и Востока на конкретных этапах периода развитого средневековья представляется перспективной и важной задачей автора.

Достаточно специфический, если не сказать уникальный, тип взаимодействия и взаимообусловленности восточных и западных культурных традиций демонстрирует нам история и культура восточнославянского региона. Важно подчеркнуть, что на этнотерриториальном пространстве восточнославянских народов исторически сложилась особая ситуация, характеризующаяся традиционной нестабильностью, проистекающей из сопряжения и взаимообусловленности двух глобальных социокультурных потоков. Речь идет о западной и восточной социокультурной программе.

Существенно важной особенностью восточнославянской культурной традиции является то, что в ее содержательных и аксиологических приоритетах ни одна из этих глобальных констант не приобретала статуса доминирующей ценностной матрицы, подавляющей альтернативные формы мировоззренческих ориентаций. Западный и восточный векторы социокультурной динамики в пределах восточнославянского этнотерриториального пространства взаимодействовали в режиме перманентного взаимопроникновения и функциональной обусловленности.

В эту историческую эпоху теоретически возможными были два различных сценария взаимодействия. Первый из них предполагал драматическую конфронтацию двух альтернативных социокультурных программ и систем ценностей. Результатом такой конфронтации становилась взаимная аннигиляция и распад конструктивных начал в каждой из взаимодействующих традиций. Можно сказать, что местом их встречи оказывалось "выжженное пространство", где обитать способны только маргинальные этносы с противоречивым самосознанием и неэффективными формами социальной регуляции. Второй потенци-

ально возможный сценарий сочленения западных и восточных влияний на культуру предполагал их органическое соединение в рамках целостных синкретичных образований. Пафос конструктивности и созидания, свойственный этому сценарию взаимодействия западных и восточных векторов социокультурного влияния на славянский мир, зачастую приобретает форму обоснования проектов “срединного пути” восточнославянской цивилизации [10, с. 193-195]. Один из теоретиков евразийства, П.Н. Савицкий, отмечает, “что в культурное бытие России, в соизмеримых между собой долях, вошли элементы различнейших культур. В мире русской культуры последовательно главенствовали, сменяя друг друга, Юг, Восток и Запад. Юг в этих процессах явлен, по преимуществу, в образе византийской культуры; как на эпоху особой напряженности этого влияния можно указать на период примерно с X по XIII в. Восток в данном случае выступает, главным образом, в облике “степной” цивилизации, обычно рассматриваемой в качестве одной из характерно “азиатских”. Это влияние было особенно сильно с XIII по XV в. С конца XV в. пошло на прибыль влияние европейской культуры и достигло максимума с XVIII в...” [22, с. 354]. Само географическое расположение Руси обуславливало существенную роль ее как “важного контактного звена между Востоком и Западной Европой, Византией и Скандинавией” [5, с. 34].

Проблема культурных заимствований и взаимовлияний является одной из самых сложных исследовательских тем как в общетеоретическом, так и прикладном значении. В.Н. Лазарев выделяет влияния существенные (структурные) и второстепенные, мало что определяющие и чаще всего носящие случайный характер. “По-настоящему творческими влияния становились тогда, когда для их усвоения была подготовлена соответствующая почва и когда они стимулировали процесс развития, но они всегда являются вторичным фактором, ускоряя либо задерживая то, что сложилось в рамках данной культуры в результате ее органического внутреннего роста” [15, с. 228-229].

Духовный синтез восточных и западных культурных традиций в своих истоках восходит к эпохе принятия славянами христианской веры и оформления надэтнической культурной целостности православного мира, который атрибутируется И. Дуйчевым и Р. Пиккио как *Slavia orthodoxa* в отличие от *Slavia romana*. Влияние византийской культуры удержалось лишь в Болгарии, где византийская пропаганда велась при посредстве славянской письменности и литургии на родном языке. Из Болгарии это влияние распространилось в Сербию, но византийцы не преуспели в его распространении на Хорватию. В итоге хорваты и словенцы оказались в сфере влияния католичества и латинской культуры, Болгария и Сербия – под влиянием Византии и *всех западных славян*, включенных в сферу латинской культуры. В начале XI в. церковное господство Рима установилось над польской и венгерской церквями, к XII в. – на Полабье и Поморье, а после поражения Генриха IV в борьбе с римскими папами – в Чехии. Будучи неотъемлемой частью культуры раннего европейского средневековья, византийская культура не становилась попросту “восточной”, а принимала облик именно “западно-восточной” социокультурной программы. Если мы назовем Византию “пограничным” явлением, это будет верно как по отношению к пространственной границе, разделявшей балкано-италийский Запад и анатолийско-левантийский Восток, так и по отношению к временной границе, разделившей античность и средневековье. Византия осуществила себя как частичное снятие и той и другой границы; это был взаимопереход Греции и Азии, осложненный взаимопроникновением классического преемства и новизны [1, с. 162]. Эти идеи нашли развитие в ряде современных публикаций [4].

Как известно, самому историческому акту христианизации Руси предшествовали определенные социокультурные тенденции, “испытание веры” и “выбор веры” князем Владимиром Святославовичем. Крещение Руси не есть единичное событие, это “был сложный и многообразный процесс, длительный и прерывающийся, растягивающийся на века” [25, с. 4]. Идея синтетического мировосприятия, эксплицитно представленная в византийской культуре, оказалась созвучной исконным языческим представлениям восточнославянских племен. Комментируя этот выбор, Л.Н. Гумилев пишет о причинах идеологического, военного и торгово-экономического порядка. Принятие христианско-православной веры не только дало Владимиру сильного союзника в лице Византии, но и примирило его со значительной частью населения собственной столицы. Принятие православного канона и утверждаемых в нем норм морали было органичным для восточных славян, поскольку они привыкли к постоянному противопоставлению добра и зла, столь впечатляюще звучащему в таинственной греческой литургии [7, с. 58-61]. Принятие христианства было решающим показателем процесса культурной идентификации восточного славянства и важным консолидирующим фактором. Это отчетливо отражено уже в выдающемся произведении древнерусской философской мысли – “Слово о Законе и Благодати” первого митрополита из русских Иллариона. Автор повествует о том, как “Благодать” и истина всю землю исполнили, и вера на все языки простерлась, и на наш народ русский” [12, с. 29].

Таким образом, регион *Slavia orthodoxa* находился под сильным духовным влиянием Византии. Это обстоятельство способствовало ее интеграции с культурно-историческими процессами, характерными для эпохи средневековья западноевропейского мира, как убедительно утверждает Д.С. Лихачев. На русскую почву “трансплантированным” оказывается на деле гораздо большее, чем литература в узком смысле этого слова: это были “не разрозненные сочинения, а именно культура с присущими ей религиозными, эстетическими, философскими, правовыми представлениями” [14, с. 20]. Все это предопределило историческую судьбу Руси, ее культурно-исторический путь, включило ее в определенный круг исторических связей и воздействий. “Педагогическое воздействие византийской культуры, в частности культуры словесной, распространилось как в пространстве, так и во времени необычайно далеко, повсюду утверждая более или менее устойчивые каноны. Этого не могло бы быть, если бы эта культура не обладала, наряду со зрелостью, богатством и безусловным превосходством ее уровня над всем, что ее окружало, еще и некоторыми особыми внутренними свойствами” [2, с. 19-21]. Через христианство Древняя Русь вступает в творческое и живое взаимодействие со всем окружающим культурным миром. Установка на западно-восточный синтетизм обнаруживает себя во всех сферах славянской духовности, но не означает, что славянская культура не являлась оригинальной и некритически заимствовала православный канон в его византийской версии. Г. Флоровский заметил, что “нельзя объяснить трудности древнерусского развития из бескультурности. Древнерусский кризис был кризисом культуры, а не бескультурности... он был следствием и выражением внутренних трудностей или априорий”. Флоровский добавляет, что это был “кризис византийской культуры в русском духе” [25, с. 2-5] и что, по замечанию В. Зеньковского, “византийская культура ... не пробуждала творческих сил в русских людях, а наоборот стесняла их” [11, с. 35]. Самостоятельность Древней Руси в восприятии византийского культурного наследия обусловлена независимой позицией Древней Руси по отношению к Византии в политической сфере. “... Русь стала великой христианской державой вовсе не для того, чтобы следовать внеш-

неполитическому курсу империи" [19, с. 195]. Самостоятельный характер отношений с Византией в политической сфере следует учитывать при анализе освоения культурой Древней Руси греческого наследия. Показателен в этом отношении избирательный подход славянских деятелей к переводу трудов, входивших в общий фонд византийской культуры. На Руси XI – XII вв. не отмечается интерес к новейшим творениям византийской культуры: Михаил Пселл, наиболее значительный византийский писатель XI в., не был переведен; в это время интенсивно осваиваются памятники ранней патристики IV – VI вв. [5, с. 39]. Д.С. Лихачев дал функциональное этому объяснение: "Переводя церковных классиков IV – VII вв., древнерусские книжники руководствовались не только проблемами стиля, а необходимостью иметь в первую очередь произведения канонические и церковно-авторитетные, без которых не могла существовать церковная жизнь" [14, с. 27]. Г.П. Федотов отмечает, что "византизм есть тоталитарная культура, с сакральным характером государственной власти, крепко держащей Церковь в своей не слишком мягкой опеке", поэтому "византизм не мог полностью воплотиться в киевском обществе, где для него отсутствовали все социальные предпосылки"... [24, с. 609-610]. Антивизантийские настроения в Киеве сказались уже в пору княжения Ярослава Мудрого. Процесс христианизации принимает форму адаптации к исторической и культурной жизни Руси. Русская церковь стала очень рано стремиться к каноническому освобождению от греческой церкви, а после падения Константинополя (1453 г.) это отталкивание от Византии лишь усилилось [11, с. 33-34]. В восточнославянской реформационной мысли второй половины XVI в. в противовес официальной церковной идеологии было заявлено о необходимости отречься от византийской традиции [9, с. 152].

Византийское влияние было не только прямым и непосредственным, "именно не прямое влияние было первым по времени, самым значительным и решающим" [25, с. 2-4]. "Средневековая Русь не страдала болезнью национальной замкнутости и национальной исключительности. Древнерусская культура не пребывала в изоляции" [18, с. 23]. Об этом свидетельствует весь комплекс сохранившихся памятников материальной и духовной культуры. В пределах до XVII в. "мы можем говорить об обратном – об отсутствии в ней четких национальных границ. Мы можем с полным основанием говорить о частичной общности развития литератур восточных и южных славян. Существовала единая литература, единая письменность и единый литературный (церковно-славянский) язык у восточных славян (русских, украинцев, белорусов), у болгар, у сербов, у румын. Основной фонд церковно-литературных памятников был общим" [14, с. 6]. Основой тесного культурного взаимодействия является идентификация их с членами единой славянской общности: "а славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались Русью, а прежде были славянами; хоть и полянами назывались, а речь была славянской" [20, с. 219].

В истории и культуре Руси значительную роль играли ее контакты с **Болгарией**. В истории болгаро-русских культурных связей выделяют два периода: 1) охватывает приблизительно X – XIV вв.: суть его выражает кирилло-мефодиевская традиция, благодаря которой на Руси появились письменность, переводные и компилятивные произведения-энциклопедии, древнеболгарские по происхождению, переведенные или составленные в Болгарии в Преславском книжном центре (конец IX – начало X в.); такие общие понятия и категории, как "естество", "свойство", "сущность", "вещь", "мудрость" и др.; с именем Кирилла связано первое определение в славянской литературе "философии". Показательно, что значительное место в культуре Руси занимают те вопросы, которые трактуют различные проблемы философии истории, содействуют расширению

представлений о сущности общества, государства, природе исторического развития и т.п. [3, с. 14-16]; 2) конец XIV – XVIII в.: наряду с ортодоксальными влияниями Болгария “транслировала” и ереси. Наблюдается взаимодействие стригольников (движение возникает в XIV в.) с болгарскими богомилами [6, с. 47-49].

Однако гомогенным развитие восточноевропейского общества было лишь в рамках древнерусского общества: наряду с процессами консолидации (замедлившимися в XII в. и утраченными в XIII в.) в социально-экономическом и политическом планах действовали противоположные тенденции зарождения и развития регионально-этнических особенностей и специфики. Б.А. Рыбаков отмечает, что “это не нарушало единство древнерусской народности и позволяло выявиться местным творческим силам” [21, с. 475]. “Расчленение Киевского государства есть прежде всего рост отдельных его составных частей, каждая из которых стала проводить свою собственную политику, преследуя собственные цели”. Киев не только не располагал необходимыми средствами для содействия дальнейшему росту отдельных земель, но, несомненно, задерживал этот рост [8, с. 605]. Начавшийся процесс обособления западнорусских, северо-восточных, юго-западнорусских земель свидетельствовал об определенных внутренне-объединительных, консолидирующих тенденциях, происходивших в экономической и политической жизни этих земель [16, с. 121]. XIII в. – век интерференции восточнославянской и русской культур: западная, приднепровская часть региона оказалась в составе ВКЛ, сблизилась с западными соседями и начала впитывать западноевропейские признаки, в результате связь с западной культурой и славянская основа одновременно позволили Беларуси в процессе культурной идентификации стать своеобразным мостом между западным и восточным типами культур в XVII в. При этом следует учитывать зоны смешанного взаимодействия православия и католицизма на территориях Западной Украины и Беларуси, вошедших в состав ВКЛ, а затем Речи Посполитой, а также такой феномен, как униатскую церковь.

Следует отметить, что после христианизации Руси упорядочились ее связи с Востоком. Важной частью русской жизни стали паломничества к Святым местам [23, с. 10-21]. Восточное влияние на Русь прослеживается вплоть до Индии. Опосредованные связи заметно стабилизируются в эпоху Золотой Орды, вовлекшей Русь в интенсивный торговый обмен с Востоком через Среднюю Азию, низовья Волги и Дона [26, с. 3-4].

Вторая половина XII – первая треть XIII в. были эпохой активных контактов Древней Руси и Запада. Вторжение татар резко оборвало этот процесс сближения. В последней четверти XV в., при Иване III, происходит новое активное соприкосновение Древней Руси с Западом, когда из Италии были приглашены различные мастера для строительства Московского Кремля и для его укрепления, принешие на Русь традиции североитальянского Возрождения. Объективный ход истории и насущные проблемы дальнейшего развития заставляют Русь все больше обращаться к Западу [13]. Несмотря на острую полемику с католицизмом, протестантизмом, политическую борьбу с Литвой, Польшей, Швецией, идет процесс неуклонного сближения и все более активного усвоения достижений западноевропейской культуры того времени.

Известный социальный философ и политолог А.С. Панарин положение славянского ареала в отдаленном прошлом, настоящем и будущем считает “переходным”. Он ссылается на “промежуточный статус славянства – между Западом и Востоком, Европой и Азией”. “Циклическая динамика славянской истории состоит в том, что она периодически испытывает на себе то усиливающееся влияние Запада, то, напротив, Востока. Законы циклической динамики рождают

инверсию: западная фаза сменяется восточной; или наоборот. Ни Запад, ни Восток никогда не исчезнут из исторического горизонта славянства, находящегося на рубеже мировых культур" [17, с. 7-18].

Таким образом, представляется обоснованным тезис о том, что период развитого средневековья на восточнославянском территориальном пространстве является парадигмально определяющим для становления и экспликации его культурно-цивилизационной идентичности. Содержательную основу для формирования эпистемологических, аксиологических, эстетических и других приоритетов составили культурно-цивилизационные стратегии "Восток – Запад" в их взаимовлияниях и взаимообусловленности. Необходимо отметить, что восточноевропейский культурно-исторический тип, ассимилируя эти влияния, оказывается способным к продуцированию своеобразных, достаточно самобытных социокультурных программ и практик, на основе которых создавались уникальные национальные духовные ценности и формировался особый тип ментальности. Толерантность и открытость данного культурно-исторического региона сопрягалась с его естественным стремлением к герметичности, к сохранению собственной идентичности. Отмеченное обстоятельство представляется существенно важной чертой, характеризующей общекультурную ориентацию восточнославянского этнотерриториального комплекса.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на различных этапах периода развитого средневековья межкультурная коммуникация данного региона, с точки зрения ее интенсивности, направленности, уровня и характера интеграционных процессов, была различной, что и обусловило различие в степени гомогенности и гетерогенности процессов социокультурной динамики. Установка на западно-восточный синтетизм, обнаруживая себя практически во всех сферах славянской духовности, реализуется не в форме имитации их отдельных культурных образцов, а путем выработки оригинальной и уникальной духовной культуры и стратегии цивилизационной динамики восточнославянского региона с использованием наиболее созвучных, продуктивных, эвристических для становления собственных культурных программ и приоритетов. Поэтому экспликация и анализ содержательного своеобразия и конкретных механизмов взаимодействия и взаимовлияния культурных традиций Запада и Востока на конкретных этапах периода развитого средневековья представляется перспективной и важной задачей автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Аверинцев, С.** Символика раннего средневековья (к постановке вопроса) / С. Аверинцев // Другой Рим: избранные статьи / С. Аверинцев; [предисл. А. Алексеева]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. – 366 с.
2. **Аверинцев, С.** На перекрестке литературных традиций (Византийская литература: истоки и творческие принципы) / С. Аверинцев // Другой Рим: избранные статьи / С. Аверинцев; [предисл. А. Алексеева]. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2005. – 366 с.
3. **Бычваров, М.Д.** Характер и основные направления взаимосвязи философских культур Древней Руси и Болгарии / М.Д. Бычваров, В.С. Горский // У истоков общности философской культуры русского, украинского и болгарского народов / Сборник научных трудов; редкол.: В.С. Горский (отв. ред.) [и др.]. – Киев: Наукова думка, 1983. – 167 с.
4. Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Сборник статей (серия "Византийская библиотека, раздел "Исследования"): сб. науч. ст.; редкол.: академик Г.Г. Литаврин. (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Изд-во "Алетейя", 1999. – 539 с.

5. **Горский, В.С.** Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – XII вв. / В.С. Горский. – Киев: Навукова думка, 1988. – 215 с.
6. **Горский, В.С.** Проблема целостности мира в философской культуре Киевской Руси и Древней Болгарии (к вопросу о восприятии богомилства в культуре Киевской Руси) / В.С. Горский // У истоков общности философской культуры русского, украинского и болгарского народов / Сб. науч. тр.; редкол.: В.С. Горский (отв. ред.) [и др.] – Киев: Навукова думка, 1983. – 167 с.
7. **Греков, Б.** Киевская Русь / Б. Греков. – М.: ООО "Изд-во АСТ", 2004. – 671 с.
8. **Гумилев, Л.Н.** От Руси к России: очерки этнической истории / Л.Н. Гумилев. – М.: ООО "Изд-во АСТ", 1992. – 780 с.
9. **Дмитриев, М.В.** "Византийская" тема в восточнославянской реформационной мысли второй половины XVI в. / М.В. Дмитриев // Византия. Средиземноморье. Славянский мир: сб. науч. ст.; редкол.: Г.Г. Литаврин (отв. ред.) [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 191 с.
10. **Зеленков, А.И.** Экологическая ментальность восточных славян как социокультурный феномен // Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия / Сборник научных трудов; редкол.: М.Н. Громов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2004. – 456 с.
11. **Зеньковский, В.В.** История русской философии: в 2 т. / В.В. Зеньковский. – Лн.: Эго, 1991. – Т. 1. – 221 с.
12. **Илларион.** Слово о Законе и Благодати / Илларион; сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. – М.: Столица; Скрипторий, 1994. – 146 с.
13. **Казакова, Н.А.** Западная Европа в русской письменности XV – XVI вв.: (Из истории международных культурных связей России) / Н.А. Казакова. – Л.: Наука, 1980. – 278 с.
14. **Лихачев, Д.С.** Развитие русской литературы X – XVII вв. Эпохи и стили / Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1973.
15. **Лазарев, В.Н.** Искусство средневековой Руси и Запад (XI – XV вв.) / В.Н. Лазарев // Византия и древнерусское искусство / В.Н. Лазарев. – М.: Наука, 1978. – 335 с.
16. **Майхрович, А.С.** Поиск истинного бытия и человека: Из истории философии и культуры Беларуси / А.С. Майхрович; под общ. ред. Д.И. Широканова. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 274 с.
17. **Панарин, А.С.** Славянский мир сегодня: очарованные странники на опасной дороге / Восточнохристианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия / Сборник научных трудов; редкол.: М.Н. Громов (отв. ред.) [и др.] – М.: Наука, 2004. – 456 с.
18. **Панченко, А.** О русской истории и культуре А.О. Панченко. – СПб.: Азбука, 2000. – 464 с.
19. **Пашуто, В.Т.** Место древней Руси в истории Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: сборник статей; редкол.: В.Т. Пашуто (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1972. – 439 с.
20. Повесть временных лет: в 2 ч. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – Ч. 1: Текст и перевод. – 1950. – 406 с.
21. **Рыбаков, Б.А.** Киевская Русь и киевские княжества XII – XIII вв. / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука. – 592 с.
22. **Савицкий, П.Н.** Евразийство / П.Н. Савицкий // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев; предисловие А.В. Гулыги. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 512 с.
23. **Сипенкова, Т.М.** Россия и арабский Восток / Т.М. Сипенкова // Россия и Восток: сб. науч. ст.; редкол.: С.М. Иванова (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 456 с.
24. **Федотов, Г.** Россия и свобода / Г. Федотов // Святые древней Руси; сост. и вступ. ст. А.С. Филоненко. – М.: ООО "Изд-во АСТ", 2003. – 700 с.
25. **Флоровский, Г.** Пути русского богословия / Г. Флоровский. – 2-е изд. – Вильнюс: Вильтис, 1991. – 601 с.
26. **Шохин, В.К.** Древняя Индия в культуре Руси (XI – сер. XV вв.) / В.К. Шохин. – М.: Наука, 1988. – 333 с.